

Монография известного датского слависта Йенса Нёргора-Сёренсена посвящена грамматической системе имени в русском языке. В определенном смысле это книга «с двойным дном». Ее можно рассматривать как чисто дескриптивную работу отчасти справочного характера: в этом качестве, как отмечает автор в предисловии, она может быть, например, использована студентами, изучающими русский язык. В работе лаконично и при этом достаточно детально, последовательно и систематично, с учетом очень разных описательных традиций, изложены основные факты русской грамматики. Однако можно посмотреть на эту работу и по-другому – как на чисто теоретическое исследование, для которого материал русского языка служит только эмпирической базой.

С точки зрения композиции на первом плане оказывается «внешняя», описательная, сторона работы. Монография состоит из десяти глав, восемь из которых составляют собственно дескриптивную ее часть. Во второй–шестой главах последовательно описываются категории существительного (общий обзор системы

русских существительных, склонение, одушевленность, род, число), седьмая глава посвящена прилагательным, восьмая – местоимениям, девятая – числительным. Теоретические основания исследования изложены в первой и последней главах работы, общим объемом всего около пятнадцати страниц, а также – на более конкретном материале – отчасти во второй главе.

Однако на более глубоком уровне именно теоретические установки автора оказываются центральными и задают достаточно оригинальный общий тон дескриптивной части работы, не нарушая при этом беспристрастного стиля грамматического описания. Монография написана в русле своеобразной датской лингвистической традиции, известной широкому кругу лингвистов прежде всего по работам Пера Дурст-Андерсена (многочисленные ссылки на которые содержатся и в этой книге). Парадигму, в которой работает Йенс Нёргор-Сёренсен, можно охарактеризовать как своего рода постструктурализм в лингвистике. Принципиально важным для автора является идущее

еще от Соссюра (на которого он, в частности, прямо ссылается) понимание языка как стройной, цельной и в определенном смысле самодостаточной системы. На эту классическую структуралистскую посылку накладываются характерные для современной лингвистики в целом, и в том числе для разных направлений функционализма, интерес к процессу коммуникации, апелляция к стоящим за ним более универсальным психологическим (когнитивным) процессам и типологический метод (в данном случае – типологически ориентированное описание конкретного языка).

Такой подход позволяет автору на уже, казалось бы, достаточно хорошо исследованном языковом материале поставить очень глубокие (и даже, возможно, «сверхглубокие») и не вполне традиционные вопросы. В рамках данного исследования Нёргора-Сёренсена прежде всего интересует проблема взаимодействия лексики и грамматики. Отстаивая структуралистскую идею системной организации языка, он ставит вопрос о том, как внешняя хаотичность лексики сочетается с внешней жесткостью грамматики, и видит и за тем, и за другим единую стройную и достаточно простую систему семантических противопоставлений, пронизывающую и скрепляющую оба уровня языка. Из разрозненных фактов русской именной морфологии Нёргор-Сёренсен выводит иерархически организованную семантическую классификацию, отражение которой он прослеживает в устройстве всех категорий русского имени – как грамматических, так и деривационных, как словоклассифицирующих, так и словоизменяющих, как категорий существительного, так и категорий прилагательного и т. д. Более того, автор (хотя и менее детально) вписывает свою именную классификацию в значительно более широкий контекст. Во-первых, он распространяет ее за пределы именной системы, сопоставляя семантическим оппозициям, релевантным для имени, оппозиции, лежащие в основе глагольной системы. Во-вторых, он распространяет ее за пределы русского языка, исходя из того, что, различаясь степенью дробности, аналогичные классификации, построенные на материале других языков, не должны, тем не менее, принципиально противоречить друг другу. Вкратце обсуждается выражение аналогичных противопоставлений в английском и некоторых других языках Европы. Специфические особенности классификации, построенной на русском материале, автор пытается связать с более общими типологическими характеристиками русского языка (в частности, с общей ориентацией русского языка на «описываемую реальность» (reality-based language) в про-

тивопоставление ориентации на Говорящего или Слушающего в терминологии П. Дурст-Андерсена [Durst-Andersen 2011]). Наконец, в-третьих, Нёргор-Сёренсен постулирует для своей чисто лингвистической, выведенной эмпирически из фактов грамматики конкретного языка, семантической классификации более глубокую психологическую мотивацию. Свои семантические противопоставления он интерпретирует в таких когнитивных терминах, как «фигура–фон», «базовый уровень категоризации» и проч.

Остановимся подробнее на некоторых из этих пунктов, проиллюстрировав их отдельными примерами из работы.

1. Общий принцип системности. Желание увидеть в каждом явлении языка стройную и простую систему, «затемненную» на поверхностном уровне, в значительной мере определяет весь стиль грамматического описания Нёргора-Сёренсена. Для каждой из обсуждаемых категорий автор стремится выделить простой набор общих правил, которые далее «осложняются» правилами более частными. Так, описывая распределение существительных по типам склонения (глава 3), он прежде всего противопоставляет «непродуктивную систему», в соответствии с которой по типам склонения распределяется исконная лексика, и «продуктивную систему», в соответствии с которой по типам склонения распределяются неологизмы (аббревиатуры, заимствования). Для первой постулируются основные, очень простые, правила (зависимость от окончания им.п. ед.ч. и рода существительного), для второй – дополнительные, более сложные.

2. Семантическая классификация русских имен. Основным результатом исследования Нёргора-Сёренсена оказывается построение иерархически организованной семантической классификации, лежащей в основе русской именной системы (в общем виде она схематически представлена на с. 18 и 42). Свою классификацию Нёргор-Сёренсен строит в традициях классического структурализма, она эмпирически ориентирована и основывается на внутрисистемных противопоставлениях: семантическая оппозиция постулируется в том и только в том случае, если мы находим соответствующее формальное противопоставление в системе русских имен и только в ней. Классификация оказывается довольно простой. Она представляет собой иерархию из четырех уровней, на каждом из которых ровно один из узлов ветвится надвое (итого 8 классов). На первом уровне противопоставляются индивидуальные / не-индивидуальные объекты (*молоко*, *солдатня* vs. *яблоко*, *солдат*; формальное отражение: типы

склонения и род). На следующем уровне индивидуальные объекты делятся, в свою очередь, на активные и не-активные (*девочка, жираф* vs. *яблоко, автомобиль*; формальное отражение: одушевленность). Активные делятся на классы «человек / не-человек», класс людей – на классы «женщина / не-женщина» (формальное отражение последних двух противопоставлений: род). На с. 19 приводится также более подробная классификация не-индивидуальных существительных, отражаемая только на уровне деривации, но не в грамматике. Они делятся на собирательные / не-собирательные, а не-собирательные – на названия веществ и абстрактные существительные. Каждому из семантических противопоставлений Нёргор-Сёренсен сопоставляет психологические корреляты: например, противопоставлению по индивидуальности – оппозицию фигуры / фона. В связи с этим естественным образом встает вопрос об универсальности получившейся классификации. Классификация эмпирически ориентирована и лингвоспецифична. Но поскольку, по мнению автора, за ней стоят достаточно общие когнитивные предпосылки, в принципе можно предположить, что она окажется универсальной языковой с точностью до степени подробности отдельных фрагментов. Сам автор напрямую этого не декларирует, отмечая только, что «в основе системы различительных признаков, специфичной для русского языка, лежат независимые от конкретного языка <когнитивные> признаки» и что «эти признаки <...> (*Фигура или фон? Способен ли производить действие? Человек? Женского пола?*) универсальны в том смысле, что они могут быть выведены из способа восприятия мира человеком» (с. 18). Однако означает ли это, что иерархический порядок противопоставлений, выведенный Нёргором-Сёренсеном на русском материале, должен оказаться не лингвоспецифичным, а универсальным? Если универсальны оппозиции, то, в принципе, естественно ожидать, что и их порядок будет мотивирован общими когнитивными принципами и, таким образом, будет универсален. Однако уже материал русского языка заставляет усомниться в этом. Например, на основании грамматического устройства категорий одушевленности и рода признак «человек / не-человек» оказывается в иерархии ниже, чем признак «индивидуальный / не-индивидуальный». Действительно, все существительные с референтами-лицами, входящие в класс не-индивидуальных, оказываются либо неодушевленными (*народ*), либо неохарактеризованными по категории одушевленности (*старичье, солдатня*), т. е. не попадают в класс активных объектов, который, в свою очередь, включает в себя класс людей. С дру-

гой стороны, можно выйти за рамки именных категорий и посмотреть, например, на способность к употреблению в контексте безличного модального пассива типа *ему не спится*, про который неоднократно утверждалось, что он (в силу своей семантики, связанной с контролем ситуации) допустим только с названиями лиц [Булыгина, Шмелев 1997] (изредка – животных [Фичи 2011]): *мне не работается / *мотору не работается*. Не-индивидуальные существительные в этой конструкции вполне допустимы: *Легли спать... только детворе не спится* (rusforum.com). То есть, рассматривая изолированно этот параметр, следовало бы, наоборот, поместить противопоставление по личности (человек / не-человек) выше в иерархии, чем противопоставление по индивидуальности. Это противоречие преодолевается, если допустить возможность ветвления по одному и тому же параметру двух значений параметра более высокого уровня: индивидуальные > активные (> личные / неличные) / не-активные vs. не-индивидуальные > активные (> личные / неличные) / не-активные. В этом случае, однако, теряет смысл сама идея иерархической организации семантических классов, уступая место «горизонтальной» классификации.

3. Взаимодействие лексики и грамматики. В соответствии с концепцией Нёргора-Сёренсена, основным механизмом, позволяющим уложить лексику в «прокрустово ложе» грамматики и обойтись при этом самой простой системой всего из четырех базовых семантических противопоставлений, является механизм «реклассификации» (reclassification). В соответствии с ним, слово, принадлежащее исходно к одному семантическому классу, меняя его в определенном контексте, меняет и свои грамматические характеристики. Например, в терминах реклассификации интерпретируются колебания по одушевленности для слов типа *мышь* (*полевая* vs. *компьютерная*), *горноста́й* (*животное* vs. *мех*) и т. п. В контексте типа *ставит капкан на горностая* существительное принадлежит к исходному классу «активных индивидуальных» объектов и в соответствии с этим по общему правилу принимает положительное значение признака одушевленности. В контексте типа *одета в горноста́й* оно реинтерпретируется как «не-индивидуальная» (нерасчлененная) совокупность (т. е. переходит в тот же класс, что и названия веществ, такие как *мех, ткань*) и в этом статусе принимает падежное оформление по неодушевленной модели.

4. Единая система в грамматике и словообразовании. Одна из интересных черт под-

хода Нёргора-Сёренсена состоит в том, что он рассматривает под одним и тем же углом и в единой системе терминов грамматические категории имени и словообразовательные категории, видя в них отражение единой семантической классификации. Так, в главе 2 рассматриваются суффиксы существительного, характерные для каждого из выделяемых автором классов (например, *-ость*, *-ств-о* – не-индивидуальные, *-ль-н-я* – индивидуальные, не-активные и др.), а в главах 3–6 описывается, как те же самые классы формируют грамматические противопоставления в системе существительного.

5. Единая система для разных частеречных классов имен. Стремление представить всю русскую именную морфологию как единую структуру приводит Йенса Нёргора-Сёренсена к очень нетривиальным системным сопоставлениям. Так, он обнаруживает изоморфизм между противопоставлением индивидуальных vs. не-индивидуальных объектов (имена масс и собирательные), релевантным для существительного (оно, как показывает автор, проявляется в организации категории рода, числа, в распределении по типам склонения), и традиционным противопоставлением качественных vs. относительных прилагательных (глава 7). Это позволяет, в частности, дать этим классам, традиционно определяемым очень туманно, достаточно четкую семантическую характеристику. Относительные прилагательные, по мнению автора, с семантической точки зрения отличаются от качественных тем, что они «индивидуализируют» определяемое существительное, то есть, иными словами, сужают его экстенционал ('стол' > 'деревянный стол'). В частности, сочетаясь с существительными, обозначающими не-индивидуальные объекты, они – в отличие от качественных прилагательных – меняют их семантический класс: *суп*, *вкусный суп* – не-индивидуальное (название вещества) vs. *гороховый суп* – индивидуальное ('вид супа'). И именно сочетания таких существительных с относительными прилагательными автор предлагает считать сингулятивными коррелятами «множественного видового», допустимого для многих из них: *супы* ≠ *суп* + *суп*, *супы* = *гороховый суп* + *картофельный суп* + *молочный суп*... Схожую оппозицию Нёргор-Сёренсен усматривает и в системе местоименных прилагательных и наречий («классифицирующие vs. неклассифицирующие местоимения» в терминологии автора), рассматривая такие пары, как *весь* / *целый*, *многие* / *много*, *каждый* / *всякий*, *другой* / *иной*.

6. Параллели между глагольной и именной системой. Свою семантическую классифика-

цию имени Нёргор-Сёренсен рассматривает не изолированно, а как часть более общей классификации, лежащей в основе языка как единой системы. Принципиальное значение в рамках такого подхода получают параллели между именной системой и другими фрагментами грамматики. Так, свое противопоставление по индивидуальности в именной системе он сопоставляет с противопоставлением событий и предельных процессов vs. непредельных процессов и состояний (action / non-action в терминологии автора) в системе глагола (с. 13). Подобный параллелизм неоднократно обсуждался лингвистами разных школ (ср., например, краткий обзор в [Плунгян 2011: 213]). Однако любопытно, что, поддерживая общую идею о примерном сходстве этих именной и глагольной зон, разные исследователи, тем не менее, не сходятся в конкретных деталях. Так, в вероятно самой разработанной (и наиболее формализованной) теории такого рода, предложенной М. Крифкой (ср. [Krifka 1998]), требованию «кумулятивности» (объединяющим их с непредельными ситуациями) удовлетворяют как объекты типа *вода*, так и объекты типа *яблоки* (но не *яблоко*). Классификация же Нёргора-Сёренсена противопоставляет лексемы в целом, а не отдельные употребления. По одну сторону границы оказываются объекты типа *вода* (не-индивидуальные), по другую – и объекты типа *яблоко*, и объекты типа *яблоки* ('какие-то, некоторое количество'): контекст множественного числа и неопределенного референциального статуса не переводит их из класса индивидуальных в класс не-индивидуальных.

Несколько необычными кажутся некоторые частные решения, принятые в работе. Например, в разделе 2.7 обсуждается согласование по роду, одушевленности, числу между анафорическими выражениями и их антецедентами. При этом класс анафор трактуется очень широко. В частности, в него включаются такие единицы, как *такой* (как), *каждый* (из), *один* (из). То есть, например, для фразы *Знаю, что такие группы_{ж.р.} уже существуют. В одну_{ж.р.} из них ... с удовольствием ходит мой внук* постулируется, что слово *одну* получает женский род непосредственно от существительного *группы*. Возможно, естественнее было бы в данном случае считать (как это часто и делается, ср. [Зализняк 1967/2002: 62–68]), что согласование по роду происходит не с линейно предшествующим существительным, а с существительным из группы *из* + род. п. В пользу этого говорит, например, тот факт, что далеко не всегда для выражений типа *каждый из*, *один из* вообще можно обнаружить линейно предшествующее ему существительное с тем

же референтом (ср. *Как-то раз одна_{ж.р.} из моих подруг_{ж.р.}...*).

Как было сказано выше, Нёргор-Сёренсен в большей степени стремится к нетривиальной интерпретации уже известных фактов, нежели к представлению новых эмпирических данных, что применительно к такой сравнительно детально изученной области, как русская именная морфология, вполне естественно. Однако следует отметить и некоторые интересные наблюдения эмпирического характера, встречающиеся в работе. Так, в главе 8, посвященной местоимениям, особый интерес представляет описание предикативных употреблений личных местоимений 3 л. типа *И хотя она уже давно по должности не комиссар, она остается им по призванию* (с. 273), которые до сих пор не привлекали повышенного внимания лингвистов (ср. краткое их упоминание в [Падучева 1985/2001: 148–149]). Нёргор-Сёренсен противопоставляет два типа таких употреблений, различающиеся референциальным статусом местоимения: 1) нереферентные употребления в контексте характеристики (как в приведенном выше примере), 2) употребления, интерпретируемые как референтные, в контексте идентификации (...*роль оппонента выполнял содокладчик... им был депутат Е. Муравьев*) – и показывает, что эти употребления различаются по формальным свойствам. Еще одно интересное частное наблюдение касается вариативности падежного оформления прилагательного в группе числительного типа *две красивые / красивых девушки* (глава 9). Обычно эти варианты считают полностью взаимозаменяемыми и между ними не усматривают семантического противопоставления (ср., например, [Граудина и др. 2001: 40–41]). Нёргор-Сёренсен, однако, видит между ними тонкое различие: конструкция типа *две красивых девушки* фокусирует внимание на количестве объектов, тогда как конструкция типа *две красивые девушки* – на самих объектах. В доказательство своей гипотезы автор приводит тот факт, что конструкция типа *две красивые девушки* оказывается более предпочтительной в контексте указательного местоимения (*эти две красивые девушки / ?эти две красивых девушки*). Качественная оценка, данная Нёргором-Сёренсеном, подтверждается численными данными Национального корпуса русского языка (подкорпус с 1950 г.): *эти две / три / четыре + прил., им. п., мн. ч. + сущ., ж. р.* – 62 употребления vs. *эти две / три / четыре + прил., род. п., мн. ч. + сущ., ж. р.* – всего 3 употребления (5 %). Тем не менее, такое предпочтение можно объяснить и более общей тенденцией к использованию модели с им.п. для существительных ж. р.: род. п. (*две красивых*) в целом гораздо менее частотен, чем

им.п. (*две красивые*): 13 % (879 употреблений) род. п. по тому же подкорпусу. Эти данные не позволяют делать уверенных выводов о влиянии контекста местоимения *эти* на выбор падежа ($\chi^2 = 3.0739$, $df = 1$, $p\text{-value} = 0.07956$ при критическом 3.84).

Одним из бесспорных достоинств работы является использование в качестве иллюстративного материала преимущественно естественных примеров. Большая их часть взята из Упсальского корпуса, отдельные примеры – из Национального корпуса русского языка и русскоязычного Интернета (в предисловии автор оговаривает, что недостаточное использование последних двух источников объясняется чисто техническими причинами: материал исследования был собран задолго до публикации, когда эти ресурсы еще не были доступны). Это обстоятельство, в частности, надежно защищает автора от обычной для таких работ критики со стороны читателей – носителей описываемого языка. Неизбежные мелкие огрехи, заметные носителю, в работе встречаются (*краснота – краснотца* ‘beauty’, *текстиль* ‘textile worker’, *крокодилъ*, *нижний*, *полаты* ‘sleeping bench’, *глиняной дом*), но они немногочисленны и на принципиальные выводы автора не влияют.

В целом следует еще раз повторить, что работа Йенса Нёргора-Сёренсена оказывается интересной, с одной стороны, как детальное и последовательное описание фрагмента русской морфологии (не претендующее, тем не менее, на представление принципиально новых эмпирических данных), а с другой – как чисто теоретическое исследование, для которого факты русской морфологии являются лишь отправной точкой. Достаточно оригинальные общие теоретические установки исследователя позволяют ему на, казалось бы, хорошо изученном материале поставить глубокие и нетривиальные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Граудина и др. 2001 – Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001.
- Зализняк 1967/2002 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 2002 (1-е изд. – М., 1967).
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические

значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Фичи 2011 – Ф. Фичи. Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // И.М. Богуславский, Л.Л. Крысин, Л.Л. Иомдин (ред.). Слово и язык. Сб. статей к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2011.

Durst-Andersen 2011 – P. Durst-Andersen. Linguistic supertypes: A cognitive-semiotic theory of human communication. Berlin; New York, 2011.

Krifka 1998 – M. Krifka. The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). Events and grammar. Dordrecht, 1998.

Н.М. Стойнова

Сведения об авторе:

Наталья Марковна Стойнова
МГУ им. М.В. Ломоносова
ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН
ashl@yandex.ru